

Карабчевский Николай Платонович

Что глаза мои видели

Том I.

Этот труд напечатан в количестве пяти тысяч экземпляров, из которых сто на лучшей бумаге.

Все права сохранены за автором

Посвящается русским детям.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Свет Божий я увидел впервые в городе Николаеве, Херсонской губернии, в конце 1852-го года.

Что это не был свет солнца, -- ясно уж из того, что я родился, (как и большая часть современного людского рода) до утренней зари, в ночь на 30-ое ноября. Что это не был яркий свет электричества, поручкою то, что эта могучая сила не была еще в то время законтракована акционерными компаниями и не отпускалась в раздроб при помощи штепселей и кнопок.

Вероятно, это был слабый свет масляной лампы (керосиновые были еще впереди), или сальной, в лучшем случае стеариновой свечи.

У бабушки Евфросинии Ивановны только в парадных комнатах, т. е. в гостинной, столовой и в зале, в стенных бра, подсвечниках и в высоких канделябрах были заправлены стеариновые свечи, в жилых комнатах обходились особого (высшего) сорта сальными шестигранными свечами, не слишком быстро оплывавшими, в отличие от тонких сальных сосулук, с быстро нагоравшими, растрепанными фитилями, которые были в ходу в людских, девичьих и кухонных апартаментах. Полагались особого рода щипцы и щипчики (иногда фигурного фасона), для снятия фитильного нагара, но даже бабушкины премьер-лакеи (Степка и Ванька), за ними и вся дворня, отлично приспособились снимать нагар примитивным способом, т. е. пальцами, предварительно поплевав на них.

Мать моя, Любовь Петровна, как я приметил, предпочтительно любила ровный и мягкий свет масляной лампы, затененный белым фаянсовым абажуром. По всей вероятности, этот уютно-незлобивый свет и был первым, который увидели мои глаза.

Одновременно с ним я должен был увидеть множество женских лиц -- (тетушек родных, двоюродных и троюродных), и ни одного мужского лица.

Ни одного мужского лица потому, что мой отец (Платон Михайлович) как раз в это время, после возвращения из "похода против венгров" (подавление „венгерского восстания" в царствование Николая Павловича в 1848 году), получил в командование уланский Его Высочества Герцога Нассауского полк, который в эту пору квартировал в местечке "Кривое Озеро", где мать, мною беременная, не могла основаться. В то время процедура приемки и сдачи кавалерийского полка, с его фуражом, амуницией и лошадьми, считалась хозяйственно-сложной и крайне ответственной. К тому же, принимаемый отцом полк в то время усиленно ремонтировался, готовясь к весеннему Высочайшему смотру в Чугуеве, куда по этому случаю, должна была стянуться кавалерия со всего юга.

Отца моего я никогда не видел; по крайней мере, не помню, чтобы я его видел; видел ли он меня в течение полутора лет, которые он еще прожил после моего появления на свет, -- не знаю.

Вероятно, все-таки урывался в отпуска и подержал на своих руках наследника.

Долго мне об отце никто ничего не говорил и ничто мне его не напоминало, кроме молитвы,